

С. БЕРНФЕЛЬД

Спиноза

Спиноза, Бенедикт (правильнее — Барух д'Эспиноза) — знаменитый философ и основатель библейской критики (родился 24 ноября 1632 г. в Амстердаме, ум. в Гааге 21 февраля 1677 г.). Жизнь Спинозы. Лишь в последнее время мы получили свободное от примесей вражды и всяческих искажений, основанное на документальном изложении, жизнеописание этого великого мыслителя, который и в своей личности дает нам образ античного величия. Легенды, пущенные в ход старыми его биографами, оказались чистейшим вымыслом. Семья Спинозы происходила от испанских евреев, которые в 1492 г. приняли для виду христианство, чтобы получить возможность временно оставаться в родной стране, но затем семейство Спинозы эмигрировало в южную Францию. Дед великого философа, Авраам Спиноза, приехавший из Нанта, поселился в начале 17 в. в Амстердаме и открыто возвратился там в иудейство. Он занял в общине видное положение и состоял довольно долго одним из ее старейшин; он, по-видимому, был также некоторое время главой общины. Его сын, Михаил Спиноза также принадлежал к видным евреям в Амстердаме. Он был одним из старейшин общины «Бет-Яков», и когда в 1639 г. три амстердамских общины объединились и слились в одну общину, он стал членом правления этой общины. Семья Спинозы была не богата, но жила безбедно. Михаил Спиноза был купцом. Он был женат четыре раза и ум. в 1654 г. Его вторая жена Ханна-Добора, на которой он женился в 1627 г., умерла молодой от чахотки в 1638 г. От этого второго брака родился Спиноза, который, как и его старшая сестра Мириам (умершая в 1651 г., недолго спустя после выхода замуж), наследовал от матери туберкулез. Из этого видно, сколько правды в зложелательном утверждении, будто Спиноза в молодые годы вел разгульную жизнь, которая была причиной его болезни. Так как Спиноза рано потерял мать и его отец вскоре (в 1641 г.) женился в третий раз, то и это переживание, может быть, также оказало влияние на развитие молодого Баруха Спинозы. Все же известно, что Спиноза получил хорошее воспитание. Он посещал общинную амстердамскую школу, которая тогда славилась по всему еврейскому миру, как образцовая. В этой школе Спиноза проходил Библию, Талмуд, грамматику древнееврейского языка, древнееврейскую поэзию, религиозную философию, а вне школы Спиноза изучал, кроме испанского, своего родного языка, также и португальский (тогдашний официальный язык еврейской общины), голландский и латинский языки. Он, кроме того, очень хорошо рисовал, в особенности портреты, что в эпоху и в родном городе Рембрандта (жившего вблизи еврейской улицы и имевшего близкие сношения с евреями) вовсе не кажется удивительным. В портретной живописи Спиноза сделал довольно большие успехи. Но его предназначали для теологической деятельности, так

как он не годился в купцы и не выказывал склонности к врачебной деятельности. Большое влияние оказало на Спинозу посещение школы латинского языка ван-ден-Эндена. Последний, бывший некогда воспитанником иезуитов, открыл в Амстердаме частную латинскую школу, которую посещали очень многие, преимущественно христиане, дети видных граждан. Каким образом молодой Спиноза попал в эту школу, неизвестно. Он, во всяком случае, изучил там основательно латинский яз., математику и естествознание. Спиноза получил также некоторые познания в греческом языке, хотя, впрочем, никогда основательно его не знал. Благодаря знанию латинского языка Спиноза познакомился с древней и новой философией. Об отношении молодого Спинозы к своему учителю Ван ден Эндену, который был свободомыслящим и имел репутацию атеиста, имеется много рассказов. Можно, разумеется, предположить, что свободные идеи учителя оказали влияние на Спинозу. Но легенда рассказывает еще, кроме того, что Спиноза влюбился в дочь Ван ден Эндена, некрасивую, но чрезвычайно одаренную девушку, помогавшую своему отцу в преподавании латинского языка. Для нее он, будто бы, ушел из еврейства. Другая легенда рассказывает, что дочь Ван ден Эндена отказала в своей руке Спинозу, потому что предпочла ему другого, богатого поклонника. В действительности, однако, ученая дочь Ван ден Эндена была тогда еще ребенком. Спиноза же, согласно достоверному свидетельству его близких знакомых, вследствие своей болезни, которой он страдал уже с очень ранних лет, никогда не думал о женитьбе. Светское образование молодого Спинозы не вызывало удивления среди тогдашних испанских евреев. Раввины спаньольских общин в западной части Европы были часто всесторонне образованные люди, что мы можем видеть также и на примере Манассе Бен Израиля, бывшего в то время раввином в Амстердаме. Но причиной того, что Спиноза отчуждался не от иудаизма, а от религиозного мировоззрения вообще, следует считать не только посещение школы латинского языка, а главным образом господствовавший тогда в Голландии и в особенности в Амстердаме дух свободы. Правда, в то время фанатические кальвинистические проповедники нападали на всякое проявление религиозного свободомыслия и постоянно требовали от толерантного правительства принятия строгих мер против распространителей ложных учений, но, в противовес им, небольшая группа образованных людей соединилась для борьбы за свободу веры и религиозных исследований. Амстердамский магистрат видел себя часто вынужденным действовать по воле вечно натравливавших его проповедников и выступать против указанного круга противников религии. Но, с одной стороны, принимавшиеся им меры казались фанатикам недостаточными, а с другой стороны, борцы за свободу исследования не прекращали своей борьбы, несмотря на все преследования. В этот круг попал также и Спиноза, и он сразу стал пользоваться в нем большим уважением. Там не было никого, кто так хорошо знал бы Библию и был столь сведущ в истории религии, как Спиноза. Его основательное знание Библии имело громадное значение в эпоху, когда начались первые попытки библейской критики. Раньше предполагали, что Спиноза еще при жизни своего отца отошел от иудейства и что затем его отлучили 27 июля 1656 г., что после смерти отца сестры будто бы хотели завладеть приходившейся на долю философа частью наследства, утверждая, что он как находящейся под херемом (отлучением) не имеет права на отцовское наследство и что Спиноза заставил сестер судом признать за ним его право, но затем отказался от всего этого наследства, за

исключением нескольких вещей, которые он взял себе на память об отце. Все эти рассказы относятся к области вымысла. Михаил Спиноза, отец философа, умер 29 марта 1654 г. Еще в декабре этого года Спиноза был в синагоге, был приглашен к амвону для очередного чтения отрывков из Торы (отлученный не допускался к общему богослужению), причем он обещал подарить на нужды синагоги небольшую сумму денег. Вряд ли он вел процесс из-за наследства своего отца (впрочем, лишь одна сестра пережила отца). Мы не можем теперь знать, что именно произошло между декабрем 1654 г. и июлем 1656 г., что именно привело к резкому разрыву между Спинозой и общиной. В обосновании отлучения, которому подвергся Спиноза, говорится, что он распространял чудовищно ложные учения и что он, не поддаваясь никаким увещаниям, не хотел оставить своего пути. Но херем всегда был частым явлением в испанско-португальских общинах. Ему подвергали часто из-за очень, незначительных причин, из-за каждого неповиновения, которое член общины позволял себе высказать общинному начальству. Кто не хотел тотчас же просить прощения и платить наложенный на него денежный штраф, подвергался херему. Все распоряжения общины опубликовывались с угрозой, что их нарушение повлечет за собою наложение херема. Это было средством поддерживать дисциплину в общине. Христианские биографы Спинозы, толковавшие наложенный на философа херем по аналогии с отлучением от католической церкви, всегда говорили об исключении Спинозы из еврейства — как будто еврей может быть исключен из еврейства на основании решения общины. Все равно, чем бы Спиноза не навлек на себя гнева всемогущих общинных старейшин (просить прощения и отступить от того, что он признал правильным, было не в его характере), фактически наложение на него херема имело своим следствием лишь его исключение из общины. На Уриеля Акосту, например, эта мера произвела впечатление, потому что он, как он указывает в своей автобиографии, был чужой в Голландии и вследствие своего незнания голландского языка мог вести знакомство только с евреями. У Спинозы, напротив, был уже круг голландских почитателей и друзей, и он мало заботился о наложенном на него хереме. Последний мог бы служить препятствием для вступления в брак, как это случилось с Уриелем Акостой, но уже тогда Спиноза давал понять, что он намерен остаться холостым. Спиноза спокойно принял наложение херема. Его материальные дела немного, правда, от этого пострадали. Его отец не оставил после себя состояния. Молодой Спиноза жил после смерти отца в доме своего шурина Касерас, который, однако, не мог или не хотел его оставлять дольше у себя. Биографы утверждают, что дело дошло до процесса из-за наследства отца. Но более вероятно, что Спиноза ушел из дома своего шурина и взял с собою лишь кровать и постельные принадлежности. Друзья и почитатели бедного философа первое время заботились о нем. По ходатайству общины, магистрат изгнал Спинозу из Амстердама. Он переехал в близлежащую деревню Уверкерк и там нашел покровительство у друзей. Через несколько месяцев изгнание было отменено, и Спиноза мог вернуться в Амстердам. Последовали спокойные годы, которые Спиноза заполнил научными и философскими занятиями. Чтобы не быть вынужденным пользоваться материальной поддержкой своих друзей, он научился шлифовать стекла и, благодаря своим познаниям в физике, сделался очень искусным в этом ремесле. Оптики охотно покупали его стекла и хорошо платили за них. Нужно, однако, при этом заметить, что шлифование стекол было тогда в образованных кругах чем-то в роде модного увлечения, и им занимались такие люди, которым не нужно было

зарабатывать этим трудом средства к существованию. Вероятно, около начала 1660 г. Спиноза, на этот раз добровольно, покинул Амстердам и поселился в Рейнсбурге, возле Лейдена, где он и оставался до 1663 г. Там он уже начал свои научные, философские и этические работы, и вместе с тем вокруг него образовался круг почитателей, которым он читал лекции о своем учении. В апреле 1663 г. Спиноза переселился в Воорбург, вблизи Гааги. Он хотел освободиться от многочисленных посетителей, которые мешали ему в Рейнсбурге работать. Он, кроме того, уже подумывал об издании своих сочинений и рассчитывал при этом на помощь друзей, живших в Гааге. В Воорбурге Спиноза оставался до 1670 г., но в продолжение этих годов несколько раз жил временно в Гааге, Рейнсбурге и Шиндаме. И в Воорбурге также образовался группировавшийся около Спинозы круг образованных людей, между которыми находился знаменитый государственный человек Ян де Витт, бывший пенсионарием совета и, следовательно, действительным правителем Голландии. Этот свободомыслящий государственный человек остался до своей трагической кончины (1672) преданным почитателем Спинозы. Образованные голландцы льнули к еврейскому философу, который своей мягкостью, чистотой характера, тонкой образованностью и радостным довольством своей судьбой производил на них чарующее впечатление. Его беседа обладала особой прелестью, и вся его личность была так привлекательна, что нельзя было не поддаваться ее обаянию. Вызывала удивление также и редкая ученость этого тихого, скромного, антично благородного человека. Он был многосторонне образован и соединял в себе все гуманистическое и точное знание своего времени. Он был не только глубоким и самостоятельным философом, но, кроме того, обладал такими знаниями в теологии и истории религии, как редко кто другой в его время. К группировавшимся вокруг Спинозы образованным людям, имевшим возможность лично общаться с ним, присоединились еще многие другие, находившиеся с ним в переписке и с энтузиазмом принимавшие его учение. Спиноза действовал в своих письмах так же притягательно, как и в устной беседе. Среди его друзей и почитателей находились, кроме де Витта, также и некоторые другие высокопоставленные лица. Одним из вернейших друзей и почитателей Спинозы был Симон де Фрис, который хотел подарить своему живущему в бедности другу и учителю большую сумму денег. Спиноза отклонил это предложение, сказав, что обладание такими большими деньгами лишь мешало бы ему. Когда Симон де Фрис в 1667 г. хотел сделать Спинозу наследником всего своего состояния, Спиноза советовал своему другу не делать этого. Фрис после этого сделал своим наследником своего брата Исаака с тем условием, что он будет поддерживать Спинозу до его смерти. Исаак Фрис назначил после этого философу ренту в 500 гульденов, которую, однако, последний уменьшил до 300 гульденов. Во время своего пребывания в Воорбурге Спиноза работал почти одновременно над двумя своими главными произведениями, над «Этикой» и «Теологико-политическим трактатом». До недавнего времени господствовало полное непонимание тенденции последнего сочинения, которое можно с полным правом считать историческим событием. Высказывалось предположение, что Спиноза написал его под влиянием тяжелого чувства, оставленного в нем преследованиями амстердамской еврейской общины. В действительности же оно было полемическим произведением в пользу свободы совести и против невыносимых излишеств религиозного фанатизма тогдашних голландских кальвинистических проповедников. Когда Спиноза поднял свой голос против всякого религиозного

принуждения, он вовсе не имел в виду амстердамскую еврейскую общину, к отлучению которой он уже давно относился совершенно равнодушно, а имел лишь в виду судьбу несчастного Адриана Кербаха, павшего жертвой кальвинистического фанатизма. И действительно, евреи не обратили никакого внимания на это сочинение, когда оно появилось анонимно (как место печатания, был указан Гамбург) в 1670 г.; кальвинистические же священники и синоды подняли против него прямо бурю. К счастью для Спинозы, в обществе полагали, что английский философ Гоббс, «Левиафан» которого имеет некоторые точки соприкосновения с произведением Спинозы, есть автор и этой книги. От правительства стали настойчиво требовать, чтобы оно приняло самые строгие меры против этой «безбожной» книги. Вероятно, из опасения преследования, Спиноза тотчас же после выхода в свет этой книги (1670) переселился в Гаагу. Там, возле своего друга и покровителя де Витта, он чувствовал себя в большей безопасности, чем в Воорбурге. С тех пор, однако, он, несмотря на уговоры, не решался издать при жизни свой второй главный труд, «Этику». Она обращалась среди друзей Спинозы в рукописи, и он, просил, чтобы ее никому не давали без его разрешения. В Гааге Спиноза сначала снимал у вдовы Ван Вален комнату, служившую ему спальней, столовой и рабочим кабинетом. Но и это скромное жилище было для него при его скудных доходах слишком дорого. Он снял у маляра Ван дер Шпика очень скромную мансарду за 80 гульденов в год. В ней Спиноза жил до своей смерти. Он вел там скромную, лишенную потребностей жизнь мудреца, учившего мудрости и любившего ее. Так как Спиноза страдал неизлечимой болезнью, то он старался соблюдать покой и умеренность в пище и питье, что, вместе с тем, лучше всего соответствовало его скудным доходам. При этом философ менее всего чуждался жизни: он следил с большим интересом за современными политическими событиями и любил также иногда дружески беседовать со своими необразованными квартирохозяевами и знакомиться таким образом с мыслями и думами простонародья. Буря, вызванная его «Теологико-политическим трактатом», не нарушила спокойного уединения, в котором жил философ. Политические события, происшедшие тогда в его отечестве, сильно, напротив, нарушили его душевный покой. Несчастливая война Голландии с Францией раздражила народные массы против пенсионария совета Яна де Витта. Народная толпа его убила на улице, среди бела дня, 20 августа 1672 г. В первый раз увидели философа чрезвычайно возбужденным и плачущим. Охваченный гневом и скорбью, Спиноза написал воззвание, в котором он называл жителей Гааги «самыми низкими варварами». Он хотел расклеить это воззвание, чтобы выразить этим свое негодование против ужасного преступления. Если бы он привел свое намерение в исполнение, то возбужденная толпа, наверное, разорвала бы его в клочки. К счастью, квартирохозяин, маляр Ван дер Шпик, спас Спинозу, заперев его в комнате и не дав ему выйти из нее. Во время его пребывания в Гааге произошло второе важное событие в жизни философа, его поездка к принцу Конде. Последний вступил в 1672 г., во главе французской армии, в Нидерланды и перенес в апреле 1673 г. свою главную квартиру в Утрехт. Одни из офицеров обратил его внимание на то, что Спиноза живет в близлежащей Гааге, и принц вскоре пригласил философа к себе в Утрехт. Спиноза принял это приглашение, без сомнения, с ведома голландского правительства, которое поручило умному и тонко образованному философу дипломатическую миссию к французскому главнокомандующему. Увенчалась ли успехом его поездка в Утрехт, не известно. Принца Конде он там не застал, так как тот должен был раньше покинуть

город. Его приняли от имени принца «с величайшим почетом герцог Люксембургский и полковник Штруппе. Они сделали философу предложение посвятить одно из своих сочинений Людовику XIV, за что обещали Спинозе государственную пенсию; но он отклонил это предложение, потому что не желал быть в зависимости от какого бы то ни было человека. После того, как Спиноза напрасно прождал несколько недель принца Конде, получилось известие, что он вообще не возвратится в Утрехт, и философ вслед затем уехал обратно в Гаагу. Возбужденная гаагская масса стала презрительно относиться к Спинозе по его возвращении, и против философа, «находящегося в связи с врагом» стали раздаваться угрожающая речи. Но Спинозе удалось успокоить возбужденный против него народ, указав, что многие из высших государственных сановников знали и одобряли цель его поездки. В это время философ, который добывал себе скудное пропитание шлифованием стекол, получил почетное предложение занять кафедру ординарного профессора в Гейдельберге. Пфальцский курфюрст предложил ему профессуру на самых лестных и заманчивых условиях. Он обещал Спинозе полную свободу преподавания; последний должен был лишь обязаться не оскорблять в своих лекциях христианства. Но Спиноза предпочел не менять своей духовной независимости на внешний блеск и хорошо оплачиваемую должность. Он опасался, что вступит в конфликт с воинственной теологией и таким образом потеряет свой душевный покой. Он провел последние годы своей жизни тихо и уединенно в кругу учеников, переписываясь с различными почитателями. В середине февраля 1677 г. началась у него болезнь, не очень сильная, но совершенно истощившая в несколько дней хилое тело философа. 21 февраля, в воскресенье, философ остался один дома; его квартирохозяева пошли в церковь. Когда они возвратились домой, они нашли его мертвым. Рассказ о том, что врач Людвиг Майер его посетил последним и при уходе забрал маленькое имущество философа, так же вымышлен, как и другие рассказы, например, легенда, что философ перенес тяжелые предсмертные страдания и раскаялся перед смертью в своей ереси. Он умер так же спокойно и мирно, как и жил. 25 февраля тело философа было похоронено его друзьями, среди которых находились многие почтенные гаагские граждане, на христианском кладбище, хотя он никогда не принимал христианства. Чтобы покрыть расходы на похороны, а также уплатить некоторые маленькие долги Ван дер Шпику, его небольшое имущество, среди него также и книги, было продано с аукциона. Так как вырученная сумма оказалась недостаточной, то друзья покрыли остальное. Нужно еще в конце прибавить, что Ван дер Шпик, которого впоследствии различные лица расспрашивали о жизни философа в его доме, легкомысленно рассказывал фантастические выдумки и много содействовал тому, чтобы распространять легенды и сказки о жизни Спинозы. В 1877 г., через 200 лет после смерти философа, ему был поставлен памятник в Гааге.

Философия и этика Спинозы. До окончания своего главного философского произведения, своей «Этики», Спиноза написал несколько философско-этических произведений, из которых мы узнаем ход развития его философской системы. Еще до 1660 г. он написал «Трактат о Боге и человеке и его блаженстве» («De Deo et homine eiusque felicitate»), который был найден лишь в новейшее время. За ним последовало сочинение «Об улучшении разума» («De emendatione intellectu»), а в 1663 г. сочинение о Декарте («R. Descartes principiorum philosophorum, p. I et II, more geometrico demonstratae»). Это последнее сочинение вызвало неудовольствие последователей Декарта, и Спинозе с тех пор часто приходилось жаловаться на их недружелюбное

отношение. Его составившее эпоху главное сочинение, «Этика», появилось в свет лишь посмертно, в 1677 г. При жизни Спиноза был известен как смелый, свободомыслящий философ, хотя «Этика» циркулировала лишь среди друзей и учеников в рукописи. В продолжение ста лет после его смерти она считалась сданной в архив; философию Спинозы осуждали, как «атеистическую», но мало ее знали. Боялись серьезно ею заниматься, чтобы также не быть заподозренными в атеизме. Лишь около конца 18 в. Фр. Якоби возобновил память о Спинозе и его философии, причем он выступил с утверждением, что Лессинг в разговоре с ним выразил свое согласие со спинозизмом, который тогда считался равнозначным атеизму. Спор, возникший относительно этого заявления между Якоби и Мендельсоном, пробудил интерес к Спинозе и его философской системе. Интерес с тех пор не прекращался, а напротив, проникал все в более и более широкие круги. Так как, однако, средневековая еврейская религиозная философия была в первое время совершенно неизвестна в широких кругах, то ничего не знали о *еврейских источниках* спинозовой философии и этики, а считалось скорее решенным, что Спиноза исходил из Декарта, но последовательно развил его систему и тем превратил ее в свою оригинальную, составившую эпоху, систему философии. При теперешнем состоянии исследования, напротив, ясно, что Спиноза черпал из еврейских источников, причем он, разумеется, гениально переработал то, что существовало до него, во всеобъемлющее философское и этическое мирозерцание. Величайшее преимущество его философии следует, как известно, видеть в последовательности и в логическом сочетании частей в одно целое. Если признать предпосылки Спинозы, то нельзя уже, если желать оставаться логически последовательным, не принимать его выводов. Перед нами замкнутая цепь рассуждений, и нигде нельзя найти в ней пробела. Между тем как Декарт придерживался еще дуализма и исходил из предпосылки о существовании двух субстанций (бытия и мышления, т. е. материи и духа), Спиноза устанавливает принцип абсолютного единства (монизма). Бытие и мышление, материя и дух, суть атрибуты одной субстанции. Может существовать лишь одна необходимо-сущая субстанция; две таких субстанции совершенно уничтожили бы взаимно друг друга. Эту одну необходимо-сущую субстанцию Спиноза называет Богом. Материя так же — от Бога и в Нем, как и дух, ибо оба суть атрибуты одной и той же субстанции. Этот монизм, поражающей своей смелостью, не нов, однако, в еврейской философии. Маймонид, которого Спиноза знал и даже цитировал, со всей точностью уяснил, правда, понятие о единстве Бога, но при этом принимал существование отдельного материального мира. Материю он, в противоположность Аристотелю, мыслил, не как вечную, а как сотворенную. Но сотворенная природа не может быть субстанцией; лишь Бог есть субстанция. Одну лишь субстанцию Спиноза, следовательно, нашел уже у Маймонида. Но дуализм все же продолжал здесь еще существовать в одном пункте: существует один Творец и одно творение — дух и материя. Последний не суть равноценный субстанции, но они не суть также одни и те же субстанции. Как мы должны мыслить сотворение материи, телесного бытия (поскольку можно назвать материю бытием) Богом, духовным и вечным бытием? Соломон ибн Гебироль дал следующий ответ на этот вопрос: может существовать лишь одно бытие, одна субстанция. Материя есть эманация Бога; она — не чисто материальна, а также и не духовна, но, благодаря эманации, отлична от духа количественно, а не качественно. Она — менее духовна, чем интеллектуальный мир. Бытие есть абсолютное единство. Спиноза знал этот пантеизм через посредство

философской каббалы. Пантеизм Гебириоль дошел до него лишь из вторых или третьих рук. На пантеизме Гебириоль основано также то определение сущности природы Бога, которое мы находим в «Этике» Спинозы. Бог действует посредством Своей воли, поскольку Божественная воля не обусловлена ничем, находящимся вне ее. Но эта воля есть природа Бога; Он, следовательно, необходимо действует посредством своей природы. Другими словами: сотворение не есть свободный акт Бога, акт, совершающийся в определенный момент, оно необходимо содержится в природе Бога, следовательно, так же вечно и бесконечно, как и Бог. Греческая философия признавала первичную материю субстанцией наряду с Богом. Маймонид поставил материю в подчиненное положение по отношению к Богу. Но дуализм все еще продолжал существовать. Гебириоль и Спиноза, напротив, понимали природу Бога так, что в ней содержится все. Материя и дух суть не различные субстанции, а два атрибута одной и той же бесконечной субстанции. Различие между ними существует не в единой, вечной, бесконечной и неограниченной субстанции, а в нашем понимании их. Строгий монизм ведет к слиянию всех индивидуальностей. Не только в материальном, но также и в духовном мире индивидуумы суть лишь форма нашего представления. Существует лишь одна мировая душа. И это учение также не было незнакомо в еврейской философии, ибо Герсонид заимствовал его от смелых, средневековых материалистов, от Аверроэса (ибн Рошда), и Спиноза, несомненно, знал эту еврейскую религиозно-философскую систему. Если, следовательно, человеческая душа есть лишь часть мировой души, то не существует индивидуального бытия. Человек не способен действовать по свободной воле, так как все его поступки, действия и бездействия, определяются единым, всеобъемлющим бытием. Здесь этика Спинозы как будто пришла к пункту, где исчезает всякая нравственность, всякие нравственные понятия, потому что прекращается ответственность за действия. Но именно теория Спинозы была очень плодотворна для этики тем, что она строго различала между разумными действиями и действиями под влиянием аффектов. Лишь человек, действующий неразумно, подчиняющийся аффектам, несвободен; человек же, действующий согласно разуму, свободен. И на эту мысль его также могла навести еврейская религиозная философия. Но в оценке разума, философского познания он существенно отлучается от Аристотеля и Маймонида. Познание истины означает нравственное усовершенствование человека, во-первых, потому, что он делается тогда обладателем истины, но затем также и потому, что истинное познание делает человека свободным и нравственным. Познание истины означает освобождение человека от власти аффектов; благодаря этому, он одновременно становится и нравственным, и блаженным. Истинное блаженство заключается в философском познании всех вещей и всех явлений, ибо, благодаря этому, человек освобождается от скорби, вражды, зависти и т. д., то есть становится свободным, нравственным и блаженным. Эта этика основана на чистой, неэгоистической любви к Богу, любви к Нему не потому, что от Него ожидают что-либо получить, а потому, что Бог есть начало истины и нравственности. Это ведет также и к высшей любви к человеку. Кто любит Бога, т. е. истину и добродетель, тот желает также, чтобы все люди любили Бога неэгоистически; он стремится к тому, чтобы все люди участвовали в нравственном совершенстве, т. е. чтобы все люди жили разумно и освободились от влияния аффектов, Что является причиной всех аффектов: скорби, вражды, зависти, страха и т. д.? Заблуждение. И все некрасивые поступки проистекают также из этого источника. Заблуждение ведет к дурным аффектам и

безнравственным действиям. Кто не знает истинной природы вещей и явлений в жизни, тот думает, что он принесет себе пользу посредством таких аффектов и возникающих из них действий. В действительности же он вредит этим себе самому. Вражда, зависть, страх и т. д. вредят раньше всего нам самим. Истинная любовь к человеку есть поэтому также и истинное блаженство. Нет никакого материального блага, из-за обладания которым разумный человек мог бы испытывать к своим ближним вражду или зависть. Все это — лишь мнимые блага. Истинное счастье — в довольстве и в радости. И даже в том случае, если человек делает своему ближнему зло, последний не имеет никакого основания чувствовать к нему вражду. Этому человеку, значит, не удалось освободиться от подчинения своим аффектам. Содеянный им дурной поступок он совершил по заблуждению. Он не понимает, в чем состоит истинное блаженство, и думает, что достигнет его в богатстве, во внешних почестях и т. д. Учит ли Спиноза этой этикой бегству из мира, отрицанию жизни? Отнюдь нет. Он скорее проповедует жизнерадостность. Раньше всего нужно сказать, что он считает добродетелью (*virtus*) в первоначальном значении этого слова стремление к самосохранению. Кроме того, он учит также и положительной жизнерадостности и наслаждению жизнью. Нужно лишь избрать истинное наслаждение жизнью, а не то наслаждение, которое ведет к горести, — пребывающее наслаждение, а не временное; распутство и всякого рода излишества не доставляют истинной радости и, кроме того, влекут за собою всякого рода болезни и бедствия. Все, что может вызвать неприятное чувство, страх, заботу, раскаяние, вражду или зависть, не есть наслаждение жизнью. Все, что причиняет вред ближнему, не дает счастья. Даже аффекты, кажущиеся хорошими, как, например, раскаяние и сострадание, Спиноза отвергает, как неразумные и недобродетельные, ибо оба вызывают чувство печали, между тем как истинная философия есть учение этики радости. Не нужно делать того, в чем придется, может быть, раскаиваться впоследствии, но в самом раскаянии нет ничего нравственного. Нужно неэгоистически помогать, насколько это возможно, ближнему, но состраданием мы ему не помогаем. Человеколюбие должно проистекать из разума, а не из аффекта, и помощь должна быть разумной. Мысль о том, что государство и общество должны заботиться о бедных, Спиноза также взял из иудаизма, и он отвел этой заботе определенное место в социальной этике. Но, усматривая в помощи не акт сострадания, а разумное учреждение, способствующее благу общества, он уже предвосхищает современное государство. Спиноза вообще первый определил социальную этику в смысле современного государства и сделал из человеколюбия государственное учреждение. Истинная радость заключается в нравственном совершенствовании человеком себя и своих ближних. Это нравственное усовершенствование имеет своей основой знание и познание. Но высшее блаженство заключается в усовершенствовании общества. Последнее должно заботиться о телесном и духовном здоровье всякого отдельного человека, о хорошем воспитании и о сохранении здоровья молодого поколения. Нужно также ревностно культивировать изучение естествознания и стремиться облегчить и сократить физическую работу посредством усовершенствования техники, дабы человек получил больше времени для своего нравственного усовершенствования. Этика Спинозы достигает своего завершения в индивидуальной добродетели и в социальной справедливости. Он набросал в нескольких теоремах тип современного общества со всеми его требованиями гуманности и справедливости, с его идеалом технического и духовного

прогресса. Этот пантеизм не есть, как это ошибочно предполагали, атеизм, а, как выражается Гегель, акосмизм. В мире не существует ничего материального, безнравственного и безобразного, а все исполнено сущности Божией и возвышеннейшей нравственности. Любовь к Богу, благороднейшая любовь к людям, философское господство над своими страстями и воспитание себя к добродетели — вот основы Спинозистской этики. Для отдельного человека и так же для общества существует лишь одна мораль: истина и справедливость.

Библия и иудаизм. Раньше не могли объяснить, каким образом Спиноза мог одновременно работать над своей «Этикой», в которой он дает высшие идеалы философской морали, и над «Теологико-политическим трактатом», в котором видели продукт его вражды к иудаизму. «Теологико-политический трактат», как полагали, был ответом на наложенный на него херем. Загадка теперь разрешена новейшими исследованиями о Спинозе: он направлял свою книгу против стремления кальвинистических священников, которые хотели заставить государство служить церкви. Он выступил с требованием, чтобы философия перестала быть «прислужницей теологии», следовательно, с требованием полной свободы высказывания мнения в области науки, как это осуществлено современными государствами. Но, с другой стороны, он стоял также и за государственную религию — учение, которое, разумеется, имело свои опасные стороны. Спиноза жил в стране, правительство которой в то время было куда более свободомыслящее, чем духовенство, и против стремления последнего подавить религиозную свободу он выставил принцип государственной власти, которая должна быть высшей властью также и в области религии. Он не принимал во внимание, что может случиться обратное, что именно государство захочет ограничить или уничтожить свободу совести. «Теологико-политический трактат» был, вопреки своему научному содержанию, все же произведением, преследовавшим известные тенденции, и в нем сказались недостатки такого рода произведений. Нужно указать, что и в основной мысли произведения также содержится ошибка. Кальвинистические проповедники ссылались в подававшихся ими правительству докладных бумагах и прошениях на Библию и осмеливались сравнивать себя с израильскими пророками, выступавшими за монотеизм и против идолопоклонства. Они оперировали историческими аналогиями, хотя между эпохой пророков и эпохой кальвинистических проповедников лежал громадный промежуток времени. Фанатические амстердамские проповедники не были иерусалимскими проповедниками. Но Спиноза совершенно не входил в рассмотрение этого важного различия, а думал, что ему лучше всего удастся обезоружить врага посредством резкой библейской критики. Нужно отделять в этом произведении Спинозы научное от тенденциозного. Было очень смелым, имевшим значительный последствия предприятием подвергнуть научной критике книги Священного Писания. Навел Спинозу на эту мысль, как он сам признается, свободомыслящий комментатор Библии Авраам ибн Эзра, который в некоторых местах своего комментария к Пятикнижию делает темные намеки на время сочинения и редактирования последнего. Спиноза, разумеется, пошел куда дальше этих первых начатков библейской критики; он первый даст критику источников в современном смысле этого слова. Он был также первым, указавшим на способ выражения древнееврейского языка, лишь посредством понимания которого можно уразуметь истинный смысл Библии. Выводы, полученные этой научной библейской критикой, чрезвычайно значительны. Но Спиноза ввел в это

исследование тенденцию втянуть Библию в разрешение злободневных споров. Так как проповедники ссылались на библейских пророков, то Спиноза на это отвечает, что и последние не шли по правильному пути. Они демагогически ослабляли государственную идею, борясь против введенного царями идолопоклонства. Спиноза был, как он это всегда отмечает, республиканцем, сторонником аристократической республики, т. е. республики с монархической государственной властью, во главе которой стоял бы такой просвещенный, либеральный человек, как его друг де Витт. Демократии он не любил, ибо считал, что масса не способна руководить государством, она всегда будет поддавать под влияние демагогов. Такими демагогами было в его время фанатическое кальвинистическое духовенство, и такими он считал также и израильских пророков. Спиноза не был историком и не обладал правильным пониманием исторических явлений. В его этике, несомненно, не было места для национальных различий. Он знал лишь Бога и человечество. Его монизм соединялся в этике с идеалистическим космополитизмом. В его социологии было место лишь для государства, для высшей власти, которая должна была определять все, материальные, духовные и политические отношения, воспитание молодого поколения и религиозные учреждения. Религия, которой он не отрицал, есть в его философско-этической системе религия разума. Последняя может и должна быть одинаковой для всех разумных людей и ее форма определяется государством. Этим он отрицает за иудаизмом вне Палестины всякое право на существование, так как евреи живут в христианских государствах. Это, правда, не было сознательной тенденцией «Теологико-политического трактата», но такой вывод получается с логической необходимостью. Но тут выступает вопрос: какое значение имело библейское учение, возведенное Богом Израильскому народу? Если иудаизм есть лишь преходящее явление, а не вечная божественная истина, то как мог Бог дать такое учение Израильскому народу? На этот вопрос Спиноза отвечает, что Библия и не содержит божественной вечной истины, что иудаизм имеет лишь преходящее и местное значение. Тот факт, что еврейский народ продолжает существовать в истории человечества, Спиноза стремится объяснить различными причинами. Еврейский народ сохраняют: обрядовый закон, с одной стороны, и ненависть народов к евреям — с другой стороны. Спиноза, правда, приходит также и к тому выводу, что сохранение еврейского народа включает в себе возможность того, что он снова станет государственно-историческим народом, или, как он выражается языком Библии, что Бог снова назовет Израиль Своим народом.

Влияние Спинозы на культурную и духовную жизнь. В продолжение целого века после смерти Спинозы его величественная философская система казалась совершенно забытой и опровергнутой. Философы жили в атмосфере или скептицизма (Англия), или материализма и плоского деизма (Франция), или схоластики (Германия). Лишь около конца 18 в., когда в Германии выступил Кант, началось движение в пользу спинозистской философии и этики. Спор между Фр. Якоби и Мендельсоном об отношении Лессинга к учению Спинозы побудил Гете заняться изучением Спинозы. Мировоззрение еврейского философа, основанное на этико-идеальной жизнерадостности, совершенно удовлетворяло великого поэта и он ему потом дал поэтическое выражение. Вместе с возрастанием влияния Гете на духовную жизнь немецкого народа и всего образованного мира, приобретает господство над умами также и философия Спинозы, т. е. его мировоззрение. Шлейермахер затем понял религиозное и этическое значение этой философии и стремился сделать ее религией

всех образованных людей. Спинозистский пантеизм превосходно совмещался также и с натурфилософией, возникшей в первой половине 19 в. благодаря расцвету естествознания. Философ Шеллинг был, собственно, продолжателем Спинозы; он лишь старался внести налет мистицизма в ясную спинозистскую философию и этику. Гегель ясно понял и указал противоположность между спинозистской философией и материалистической. Обе монистичны, но материализм принижает дух до поглощающей его материи и, таким образом, разрушает основу нравственного воспитания человеческого рода, а Спиноза одухотворяет материю и все подчиняет возвышенному нравственному закону. Спиноза отрицал не Бога, а бездушную материю, мир, над которым не простирается нравственный закон. Романист Бертольд Ауэрбах задался целью дать правильную оценку Спинозы, сделать философско-этические идеи еврейского философа общим достоянием всех образованных людей. Он не только писал научные сочинения о Спинозе, но старался также распространить его идеалы посредством богатых содержанием романов («Спиноза», «На высоте»). Во второй половине 19-го в. настала, казалось, реакция против влияния Спинозы. Против него восставали, с одной стороны, естественнонаучный материализм Молешотта и Фохта и, с другой стороны, возродившееся кантианство (неокантианство). Но в настоящее время эта реакция преодолена. Философский идеализм можно обосновать лишь посредством спинозистской философии и этики, а материалистический монизм, главным представителем которого является Геккель, не в состоянии удержать господство над умами. Вместе с возрастанием интереса к спинозистской философии росла также и литература о жизни и учении Спинозы. Сениор Закс (в этом его большая заслуга перед наукой) первый указал на еврейские источники, из которых черпал Спиноза. За ним последовали потом другие исследователи (Иоель, Рубин, Фрейденталь и др.), но эта тема далеко еще не исчерпана. Спиноза тотчас после своей смерти нашел различных биографов, которые окружили его жизнь сетью легенд, продержавшихся в продолжение двух веков, и многие черты его личности были, благодаря этому, искажены и окарикатурены. Лишь около конца прошлого века появляются научные биографии Спинозы: сначала голландца Мейнсмана и затем Фрейденталья. Эти два автора имеют большую заслугу в области исследований о Спинозе. Личность Спинозы обработана в последнее время также и в обладающих большой художественностью романах, как, напр., в историческом романе Отто Гаузера: «Спиноза» и в романе Е. Г. Кольбенгейера: «Amor dei»; в романе Зангвиля «Спиноза» (имеется русский перевод в «Еврейской Жизни»). Другим признаком возрастающего интереса к Спинозе является сильно выступающее в новейшее время стремление дать художественное изображение Спинозы. Подобно научным исследователям, старающимся совершенно ясно понять жизнь и содержание учения Спинозы, художники также стремятся дать его действительную наружность. В последнее время стали известны и точно воспроизведены многие портреты Спинозы. Произведения Спинозы появились в различных полных собраниях сочинений, а также отдельно; они переведены на различные языки и часто комментировались. Полное издание его сочинений (за исключением найденного позже сочинения «О Боге, человеке и его блаженстве») дал Паулус (Иена, 1802); другое издание (без еврейской грамматики) дал Гофререр (1830). Более правильное издание дал Брудер (Лейпциг, 1843 — 46, три тома). Наиболее полным является издание И. Ван Флотена и И. П. М. Ланда (Гаага, 1882—83, в двух, и 1895 в трех томах), а наиболее удовлетворительным переводом является немецкий

перевод О. Бенша, А. Бухенау, К. Гебгарда, И. Кирхмана и К. Шооршмидта. Библиография многочисленных переводов сочинений Спинозы дана у Ибервег-Гейнце («Grundriss der Geschichte der Philosophie», 3 тт.). Литература о Спинозе чрезвычайно обширна. Библиография литературы о Спинозе до 1870 г. находится в сочинении А. ван-дер-Линде, «Benedictus Spinoza» (Гаага, 1871; содержит 441 заглавие) а с 1871 г. до 90 г. в сочинении М. Грюнвальда, «Spinoza in Deutschland» (Берлин, 1897; содержит 226 заглавий). Новейшая литература: Jacob Freudenthal, «Lebensgeschichte» Spinoza's (Берлин, 1899); id., «Spinoza, sein Leben und seine Lehre» (Штуттгарт, 1904); Meinsman, «Spinoza en Zijn kring» (Гаага, 1896); Camerer, «Die Lehre Spinoza's» (Штуттгарт, 1897; лучшее изложение системы Спинозы); James Martineau, «A study of Spinoza» (3-е изд., Лондон, 1895); Sir Frederick Pollock, «Spinoza, his life and Philosophy» (2-ое изд., Лондон, 1899); Avenarius, «Ueber die beiden ersten Phasen des spinozischen Pantheismus»; A. Chajes, «Ueber die hebraische Grammatik Spinoza's»; C. Ziegfried, «Spinoza als Kritiker und Ausleger des A. T.»; Sigwart, «der Spinosismus» (Тюбинген, 1839); Trendelenburg, «Hist. Beitræge zur Philos». тт. II и III (Берлин, 1855-67); Fischer, Kuno, «Spinoza's Leben, Werke und Lehre» (4-е изд. Гейдельберг, 1898); id., «Geschichte der Philos». т. II; Camerar, «die Lehre Spinoza's» (Штуттгарт, 1877); Freudental, «Spinoza und die Scholastik» (Zeller-Festschrift, Лейпциг, 1887); id., «Lebensgeschichte Spinoza's» (ib., 1898); id. «Spinoza, sein Leben und seine Lehre» (Штуттгарт, 1904); Dunin-Borkowski, «Der junge Spinoza» (Мюнстер, 1910); Liebert, «Spinoza-Brevier» (Берлин, 1912); Altkirch, «Spinoza im Portraet» (Иена, 1912); Krakauer, «zur Geschichte d. Spinozismus in Deutschland» (Бреславль, 1881); Baek, Spinoza's erste Einwirkungen auf Deutschland (Берлин, 1895); Ueberweg, Grundriss der «Geschichte d. Philosophie». т. III; Graetz, «Geschichte», т. X; S. Sachs, «Kerem Chemed», VIII, 22 и сл.; Joel, «Spinoza's theol.-pol. Tractat» (Бреславль, 1870); id., «zur Genesis der Lehre Spinoza's» (ib., 1871); Ab. Krochmal, «Ewen ha-rasch» (Вена, 1871); Rubin, «Cheker eloha» (Вена, 1885); id., «Moreh nebuchim he-chadasch» (Вена, 1856—57). Об отношении Спинозы к еврейской религиозной философии ср. Joel, «Beitraege zur Geschichte d. Philosophie»; J. Jacobs, «Jewish Ideals», pp. 49—56; С. Рубин, «Teschubah Nizzachat» (отражение нападок С. Д. Луццатто на Спинозу); J. S. Spiegler, «Geschichte der Philosophie des Judenthums», XLI-XLIII (Берлин, 1900); S. Bernfeld, «Daat Elohim» (Вильна, 1898), pp. 521—530, и целый том, посвященный Спинозе в «Истории новой философии» Куно Фишера (русский перевод С. Франка). Русская литература о Спинозе обширна. Отметим: Л. Паперна, «Спиноза и его жизнь» (СПб., 1895); А. Вольнский, «Теологико-политическое учение Спинозы» (Восход, 1885); С. Ковнер, «Спиноза, его жизнь и сочинения» (Варшава, 1897); А. И. Введенский, «Об атеизме в философии Спинозы» (Вопросы философии и психологии, 1897, кн. 37); Я. Ромбро, «Барух Спиноза» (Рассвет, 1880, № 39, 46, 49, 51, 52; 1881, 2, 4, 7, 9, 11, 28—30, 32); В. О. Корш, «Барух Спиноза» (Восход, 1881, № 1, 5, 7—8); Э. Радлов, «Спиноза» в Энциклопедическом Словаре Брокгауза-Ефрона, 61, 214—221; Каз. Унив. Изв. за 1908 г. и далее. Этика Спиноза была переведена еще в 60-х годах, но этот перевод был уничтожен цензурой; в 1886 г. появился перевод В. Д. Модестова; в 1891 г. — перевод Н. А. Иванцова, в Трудах Московского Психологического Общества, IV.

Во второй половине 19 века – начале 20 века Спиноза, его личность и философия стали играть важную роль в еврейской культуре, образовании и интеллектуальной

жизни. В русско-еврейской литературе свидетельством этого являются многочисленные публикации, посвященные Спинозе в русско-еврейских журналах «Восход», «Рассвет», «Гакармель» оригинальные работы (М. И. Басилевский, С. Г. Ковнер, В. Корж) и переводные сочинения (Эмиль Сессе, И. Л. Клаузнер, В. Гистлинг). Однако и помимо этих текстов еврейский контекст философии Спинозы – реальный или воображаемый – часто возникал в тех текстах русской философии, в которых раскрывался смысл русской философии относительно господствующих течений западной мысли. Также и тексты Льва Шестова-Шварцмана, как специально посвященные Спинозе, так и те, где имя Спинозы постоянно повторялось, можно рассматривать в указанном контексте. Особый интерес представляет активность А. Волынского (Флексера), опубликовавшего большую статью «Теолого-политическое учение Спинозы» в «Восходе», 10-12, 1885, а затем в переводе его жены Л. Я. Гуревич и под его редакцией была издана «Переписка» Спинозы. Последняя книга (а возможно, что и все наследие Спинозы) рассматривалось им как средство эмансипации еврейской общины России.